

ИВАН КРАСТЕВ

ПОСЛЕ ЕВРОПЫ

«ДЕЛО»

Иван Крастев

После Европы

М.: Издательский дом «Дело», 2018

Тридцатого апреля 2018 года городок Эльванген в федеральной земле Баден-Вюртемберг стал известен всей Германии. В этот день полиция попыталась депортировать выходца из африканского Того, который находился в лагере для беженцев, но был признан не имеющим права на убежище. Рутинная процедура превратилась в конфуз для властей, потому что обитатели лагеря отбили тоголезца у полиции и попросту не отдали его силам правопорядка. Спустя четыре дня, проведя намного более масштабную операцию, полицейские арестовали-таки африканца, но резонанс получился мощный. Даже самые либерально настроенные немецкие СМИ задались вопросом, насколько дееспособно правовое государство в Германии. А политики правоконсервативной ориентации, которые в последние годы нервно оглядываются на рост популярности антииммигрантской «Альтернативы для Германии», в один голос начали говорить о необходимости пересмотреть всю систему взаимоотношений с теми, кто стремится получить убежище в Германии, и ужесточить соответ-

ствующие правила.

Этот эпизод — не первый и не последний. Но он примечателен как очередная капля — из тех, что уже долго и все более интенсивно точат камень, основу европейского даже не порядка, а мировосприятия, системы представлений европейцев о себе и окружающей реальности. Ведь весь европейский проект второй половины XX — начала XXI века — это не только экономика, политика и право, но еще и чувство моральной и исторической правоты, которое Европа обрела в процессе преодоления самых ужасных политических и идеологических проявлений прошлого столетия. Германия в этом плане по понятным причинам — модельный пример.

Иван Крастев — болгарин из поколения тех, кто вступил в активную жизнь в период окончательного краха советского блока. Он участвовал в балканском урегулировании в 1990-е годы, обладает великолепными связями в западных научно-политических кругах, работает в Вене в одном из лучших гуманитарных институтов Европы. Он, пожалуй,

самый пронизательный комментатор и аналитик переходной эпохи, которую Европа и мир переживают вот уже три десятилетия. Его личная биография в данном случае важна — люди этого возраста и подобного опыта способны не просто интеллектуально осмыслить происходящее, они еще и чувствуют то, что “рассеяно в воздухе”.

“Глядя на политическую неразбериху в Европе, — пишет Крастев в последней книге, — трудно отделаться от ощущения, что все это мы видели раньше, с той лишь разницей, что тогда рушился их мир, а сейчас — наш”. “Их мир” — это коммунистические режимы, распавшиеся на рубеже 80-х — 90-х годов прошлого века. Те самые, что отправились на свалку истории после наступления ее “конца”. “Наш” — как раз “правильное” устройство, вроде бы восторжествовавшее по окончании холодной войны.

Книга “После Европы” адресована прежде всего западному читателю, отсюда и четкий дуализм — “их” vs “наш”. На самом деле, и Крастев убедительно это показывает, стремительное распространение “нашего” уклада на бывший “их”, с ликованием встреченное в конце 1980-х жителями соцлагеря, во многом было иллюзорным. Оно не стерло ментальные границы. Не случайно главные фронтеры сегодняшней единой Европы — венгерский премьер Виктор Орбан и лидер польских консерваторов Ярослав Качиньский — яркие активисты антикоммунистического движения 1980-х, пришедшие тридцать лет спустя к последовательному отторжению либерализма. Казалось, что во всем виноваты Советы и навязанная “их” власть. Теперь Качиньский так же характеризует и власть Брюсселя — она тоже “их”, а не наша. Стало быть, дело совсем не только во внешнем факторе. “Разлом проходит между людьми, пережившими крах коммунизма, распад некогда мощного коммунистического блока, и жителями западных стран, не затронутых этими травмирующими событиями”.

Иван Крастев много пишет о колеблющейся Центральной и Восточной Европе, но книга не о ней, она как раз о Европе Западной. “Вполне возможно, что «Конец истории», предсказанный Фрэнсисом Фукуямой

в 1989 году, уже наступил, но в том странном смысле, что исторический опыт больше ничего не значит и мало кому по-настоящему интересен”. Это одна из главных позиций в рассуждениях Крастева о кризисе Европейского союза — идеологи и управленцы ЕС утратили ощущение исторического контекста и понимание того, что на самом деле происходит и на мировой сцене, и в их собственных обществах. “После окончания холодной войны и расширения Союза, — пишет Крастев, — Брюссель был зачарован социальной и политической моделью Европы, сформировав совершенно некритическое представление о векторе истории”.

Триумфализм конца XX века объясним. И сама победа над СССР стала неожиданно, а уж ее оглушительность, полный крах оппонента — без войны и даже без каких-то сверхусилий Запада — выглядели и вовсе невероятно. Но в то же время победители попали в ловушку самолюбования. “Собственный послевоенный опыт преодоления этнического национализма и политической теологии европейцы приняли за глобальную тенденцию. <...> Европейский постмодернизм, постнационализм и секуляризм скорее выделяют Европу, нежели делают образцом для остального мира”.

Миграционный кризис, по Крастеву, — европейское 9/11 (аналог атаки террористов на Нью-Йорк и Вашингтон), переломный момент истории, именно потому, что тогда Европа встретила лицом к лицу с другим миром — таким, каков он есть на самом деле, а не тем, что существует в представлениях либеральных миссионеров-обществоведов и политиков, воспитанных на постулатах “конца истории”. (Забавно, что в новейшей европейской истории тоже было свое 9/11 — 9 ноября 1989 года, день падения Берлинской стены, с которого и начался “постисторический” отсчет.)

Столкновение людей и идей, в котором люди берут верх, — вот главная коллизия второго десятилетия XXI века. “Не идеи, фукуямовский двигатель прогресса, а миллионы людей, легально и нелегально пересекающих границу Европейского союза, будут творить историю Европы в XXI веке. Другими

словами, мигранты — субъекты истории, определяющие судьбу европейского либерализма, — приходит к выводу Крастев. — Подобно свободному потоку идей, уничтожившему коммунизм (а с ним и холодную войну), движение людей через границы Европейского союза и Соединенных Штатов похоронило мировой порядок, сложившийся после холодной войны. Миграционный кризис обнажил несостоятельность существующей парадигмы, в особенности неспособность институтов и правил холодной войны справиться с проблемами современного мира”.

Дело, конечно, не только в мигрантах — приток людей из бывшего “третьего мира” стал мощным катализатором, но не причиной упадка европейского проекта. Иван Крастев перечисляет различные источники нынешнего состояния:

“Вопросы, лежащие в основе экзистенциального кризиса Европейского союза и поставленные расшатыванием либерального порядка, состоят не в том, что́ Запад сделал не так в своих попытках преобразовать мир. Они о том, как за последние три десятилетия изменился сам Запад и как его амбиции экспортировать ценности и институты обернулись глубоким кризисом идентичности западных обществ. <...> Геополитическое обоснование европейского единства утратило смысл после распада Советского Союза. И путинская Россия, сколь бы угрожающей она ни была, не заполняет этой лакуны. <...> Капитализм успешно освободился от институтов и ограничений, навязанных ему после Второй мировой войны, в результате чего прославленное европейское «налоговое государство» обернулось «долговым»...”

И все же именно миграционный поток стал поворотным моментом: “Неумение и нежелание либеральных элит обсуждать миграцию и справляться с ее последствиями, их уверенность в том, что существующая политика выгодна всем, для многих уподобляет либерализм лицемерию. Бунт против лицемерия либеральных элит в корне меняет политический ландшафт Европы”. То есть субъектами истории стали не только мигран-

ты, но в равной степени средние европейцы, “простые люди”, которые с какого-то момента перестали понимать, зачем все это (в первую очередь интеграционные новации) им нужно и что хорошего это дает каждому конкретному гражданину.

Конечно, европейская интеграция никогда с момента ее основания не была демократическим начинанием. Все решали элиты, и это был вполне сознательный выбор основоположников. Великие отцы-основатели единой Европы Жан Моннэ, Робер Шуман, Конрад Аденауэр и др. прекрасно понимали, что через несколько лет после самой чудовищной бойни в истории бесполезно спрашивать европейцев, хотят ли они объединяться для совместного преодоления ее последствий. Все объединительные инициативы надо проводить в жизнь без реального вовлечения масс, но при этом — обязательно доходчиво объяснять обычным французам, немцам, голландцам и т.д., почему им выгодно то или иное политическое действие. И такая схема работала до начала XXI века. Но потом перестала. Отчасти потому, что Европейский союз стал слишком сложным механизмом и объяснения становились все менее понятны среднему европейцу. Но скорее по другой причине: в условиях глобализации правящий класс стал все дальше отрываться от своих национальных корней, что во многом было объективным процессом, но от этого не менее пагубным для социально-политического единства.

“Нынешнее встревоженное большинство искренне обеспокоено тем, что оно оказалось вытеснено на обочину глобализации. Способствовавшая росту среднего класса во многих странах за пределами развитого мира, глобализация подтачивает экономические и политические основания среднего класса послевоенной Европы. Тем самым новый популизм представляет интересы не сегодняшних проигравших, но тех, кто рискует оказаться ими завтра”.

В книге Крастева много очень интересных наблюдений о судьбе идей и идеологий. Тут и кризис левых партий, которые на фоне

страха трудящихся перед притоком конкурентов на рынок труда потеряли одну из идейных опор — интернационализм. И основополагающее противоречие философии либерализма — “как идея всеобщих прав совместима с тем, что мы пользуемся ими как граждане не одинаково свободных и процветающих обществ?” И изменение рамки европейской политики — “конфликт... между глобалистами и нативистами, между открытыми и закрытыми обществами стал играть более важную роль в формировании электоральных идентичностей, нежели привычное деление на классы”. Наконец, “демократия как режим, поддерживающий эмансипацию меньшинств (гей-парады, женские марши, политика позитивной дискриминации), вытеснена политическим режимом, потакающим предрасудкам большинства. Движущей силой этого перехода служит политический шок, вызванный наплывом беженцев и мигрантов”.

Противоречие между “их” и “нашим” миром никуда не исчезло в эпоху глобальности. Но оно стало гораздо более многомерным и запутанным, чем в то относительно простое время, когда “их” и “нас” разделял всем понятный “железный занавес”. Теперь размежевание проходит по многим линиям и на международной арене, и внутри обществ самих, казалось бы, успешных стран. А на смену единому занавесу пришло бесчисленное количество шлагбаумов, пытающихся все больше ограничить самые разные виды движения. И неспособность остановить приток извне только усугубляет раскол внутри.

Описывая различные аспекты кризиса Европейского союза, автор постоянно подчеркивает главное: необходимость вернуться к социально-политической реальности. К тем самым людям, которые и являются субъектами истории, даже если они несовершенно, невежественны и ретроградны с точки зрения наиболее продвинутых либеральных элит. Автор никоим образом не евроскептик, напротив, он убежден в том, что интеграция критически необходима для развития и успеха Европы. Но именно поэтому его пугает ограниченность и догматизм европейских элит, приверженных идее сохранить ЕС любой ценой. “Внимательное изучение истории

политических дезинтеграций показывает, что искусство выживания основано на импровизации. Спасти Европу может гибкость — не жесткость”, — пишет Крастев.

В 2011 году, когда до миграционного кризиса и даже до Украины было еще далеко, а внутренние проблемы ЕС (кризис еврозоны) казались хоть и серьезными, но разрешимыми, Иван Крастев инициировал серию семинаров об уроках распада СССР для Европейского союза. Многие тогда с интересом участвовали в дискуссиях, но считали, что это не более чем провокационное интеллектуальное упражнение — как можно сравнивать?

Семь лет спустя тогдашняя идея Крастева кажется удивительно прозорливой. И дело не в конкретных параллелях, которые можно найти. Фундаментальная причина конца советского проекта — его неспособность правильно оценить изменения, которые происходили в мире, не только и не столько политические, сколько прежде всего социально-экономические и технологические. А также коренная проблема всей советской системы — стремление определить за людей, что для них хорошо, а что плохо, как им следует жить и во что верить. Как ни парадоксально, сегодня Европейский союз столкнулся с той же проблемой. Мир совсем другой, чем думали, и люди вовсе не такие, как хотелось. Книга Ивана Крастева — предостережение от того, чтобы современный Союз не повторил судьбу Союза прошлого.

Федор Лукьянов